

УДК 343.828(571.53)(091)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.52.19>

Роль пенитенциарной системы в распространении заразных заболеваний в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.

В. А. Шаламов*

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются причины распространения заразных заболеваний среди осужденных в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. Произведена систематизация многочисленных фактов заражения населения арестантами или лицами, вышедшими из мест заключения. Сделан вывод, что тюрьмы и каторга стали источником заболеваний такими болезнями, как брюшной и сыпной тиф, туберкулез, сибирская язва и др., главным образом из-за несоблюдения норм санитарии и личной гигиены.

Ключевые слова: история здравоохранения, история медицины, история политической и уголовной ссылки в Сибири, борьба с эпидемиями в Сибири, санитария и гигиена.

Для цитирования: Шаламов В. А. Роль пенитенциарной системы в распространении заразных заболеваний в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2025. Т. 52. С. 19–25. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.52.19>

Original article

The Role of the Penitentiary System in the Spread of Infectious Diseases in Eastern Siberia in the Late 19th – Early 20th Century

V. A. Shalamov*

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The publication examines the causes of the spread of infectious diseases among convicts in Eastern Siberia in the late 19th – early 20th century. Numerous facts of infection of the population by prisoners or persons released from places of detention have been systematized. Prisons and penal servitude have become a source of diseases such as typhoid and typhus, tuberculosis, anthrax, etc., mainly due to non-compliance with sanitation and personal hygiene standards.

Keywords: the history of healthcare, the history of medicine, the history of political and criminal exile in Siberia, the fight against epidemics in Siberia, sanitation and hygiene.

For citation: Shalamov V.A. The Role of the Penitentiary System in the Spread of Infectious Diseases in Eastern Siberia in the Late 19th – Early 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2025, vol. 52, pp. 19-25. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.52.19> (in Russian)

Изучение вопросов ссылки и каторги досоветской России имеет давнюю историю. Однако и сегодня некоторые направления исследования требуют дальнейшей разработки. Неудовлетворительное санитарное состояние мест заключения неоднократно фиксировалось как в источниках, так и в исследованиях. Этому вопросу на общероссийском уровне посвятили свои труды такие ученые, как А. В. Волочаева [1], А. О. Комарова [2], А. В. Комбаев [3], Р. У. Хабриев и др. [4]. Однако отражение этой тематики на региональном уровне не произошло. Об этом свидетельствует историографическая работа известного исследователя сибирской ссылки А. А. Иванова, посвященная наиболее изученной тюрьме Восточной Сибири – Александровскому централу [5]. Отсюда возникает цель выяснить корреляцию между условиями содержания в тюрьмах Российской империи и заболеваемостью арестантов, а также роль пенитенциарной системы в распространении заразных заболеваний.

Власти во все времена использовали ограничение свободы в качестве наказания. Однако первая русская революция 1905–1907 гг., а также последовавшая после нее реакция вызвали резкое возрастание численности тюремного населения. Так, согласно отчетности тюремного ведомства, среднее ежедневное число арестантов в 1903 г. составляло 96 005 чел., в 1904 г. – 91 720, в 1905 г. – 85 184, в 1906 г. – 111 403, в 1907 г. – 138 500¹. В последующие годы цифры не уменьшались. В 1910 г. числилось 171 413 чел., а в 1911 г. – 177 017². Это практически в два раза превышало возможности пенитенциарной системы, поскольку предшествовавший период характеризовался медленным ростом массы арестованных и никто не ожидал резкого скачка. Имперские власти оказались в своеобразной ловушке: с одной стороны, они не могли проводить очистку тюрем из-за беспокойной политической обстановки, с другой – не были в состоянии мгновенно увеличить вместимость тюремных помещений [6, с. 193].

Эти общие тенденции были свойственны и учреждениям пенитенциарной системы на территории Восточной Сибири. В Александровском центре в течение всего периода существования систематически росло число уголовных арестантов, хотя в отдельные годы наблюдался и обратный процесс. В 1874 г. централ вмещал в себя 652 чел., в 1876 г. – 998, в 1892 г. – 1935, в 1898 г. – 780, в 1904 г. – 1358, в 1909 г. – 1649, в 1913 г. – 2280, в 1916 г. – 3088 (с членами семей каторжан). При этом корпус тюрьмы был рассчитан в 1873 г. на 630 мест. После пожара 1890 г. централ мог принять 1000 человек, а после расширения в 1907 г. – 1105, и все равно мест не хватало. Все время тюрьма вмещала больше, чем полагалось по штату [7, с. 290–292].

По забайкальским каторжным тюрьмам также приводятся цифры, свидетельствующие о превышении нормы численности арестантов. Так, по данным на 1911 г., в Зерентуйской тюрьме содержалось 437 чел. при наличии 318 штатных мест, в Кадаинской – 151 на 100, в Мальцевской – 74 на 100, в Кутомарской – 438 на 410, в Алгачинской – 405 на 300, в Александровской – 243 на 200, в Акатуевской – 84 на 84. Это на 20 % больше возможностей ка-

¹ Врачебная газета. 1908. № 49. С. 1486.

² Там же. С. 977.

торжных тюрем³. Естественно, что это негативно сказывалось на работе всего персонала и служб, создавало множество ограничений для всего тюремного населения.

Однако даже эти безотрадные цифры не могут конкурировать с положением, сложившимся тогда же в Нерчинске. «...Совершенно в другом состоянии найдена Нерчинская городская тюрьма. Выстроенная на 80 человек, она вмещала в себе 320, т. е. в 4 раза больше, чем положено по штату. Поэтому люди размещались в ней не только на двухъярусных нарах, но и под нарами, и даже в проходе. Несмотря на свежесть вечера и открытые окна, жар, духота и вонь стояли в камерах нестерпимые. Вместе со здоровыми в камерах находились и больные арестанты... Отсутствие больницы при тюрьме и недостаточность караула при отправке больных в городскую больницу заставляют врача держать больных частью в околodge, частью в камерах...» – писал в своем отчете врачебный инспектор В. Ф. Миропольский⁴. Это максимальная плотность людей в неволе, которую нам удалось встретить на территории Сибири.

Бюджет учреждений пенитенциарной системы рассчитывался исходя из штатного числа заключенных, а превышение штатной численности тюремного населения сказывалось на их обеспечении, поскольку приходилось делить питание и обеспечение одеждой на всех. В 1911 г. в большинстве тюрем европейской части страны на одного арестанта выделялось в сутки на питание 6–12 коп., в Нерчинско-Заводском уезде Забайкальской области – 17 коп., в Верхнеудинском уезде той же области – 8 коп.⁵ Разница была связана со стоимостью необходимых продуктов в конкретной местности. Наблюдалось стремление руководства сэкономить на мясе и овощах, заменяя их более дешевыми крупами и макаронами, что в итоге провоцировало заболевания, вызванные недостатком витаминов. Местное руководство по возможности использовало средства из сумм экономии, но при постоянном росте числа арестантов этого было явно недостаточно.

Питание обычно и в качественном, и в количественном отношении улучшалось, когда арестантов привлекали к работам сторонних организаций, как это было, к примеру, на каторге в Забайкалье. Каторжные, выполнявшие работы по укладке западного участка Амурской железной дороги, снабжались гораздо лучше, чем их собратья по камерам, оставшиеся в тюрьмах. По сообщению врачебного инспектора, последние получали пищу, достаточную лишь для организмов, находящихся в покое⁶. В любом случае недостаточное питание сильно ослабляло организм сидельца, что открывало путь к инфекционным заболеваниям.

Не лучшим было положение и при выходе из тюрьмы на поселение. Кормовые деньги и деньги на одежду, выдававшиеся два раза в год, поступали крайне неаккуратно. В основном они шли на погашение накопленных

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 30. Д. 176. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Врачебная газета. 1911. № 14. С. 516.

⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 30. Д. 176. Л. 5 с об.

долгов. Жить приходилось в самых стесненных условиях. Одежда изнашивалась до предела. Некий Б. Фромметт, характеризуя заболеваемость политических ссыльных, отмечал случаи, когда они питались падалью, моллюсками, кониной, чтобы элементарно выжить⁷. Многие были вынуждены воровать, поскольку иного способа заработать в глухих крестьянских или инородческих селениях они не имели.

Естественно, что недостаточное питание и стесненные условия проживания способствовали распространению заразных заболеваний. Всего в России в 1910 г., согласно годовому отчету тюремного ведомства, был зарегистрирован 51 851 случай заразных заболеваний, из которых 22 % составлял туберкулез, 19 % – лихорадка, 17 % – грипп, 9 % – сифилис, 9 % – цинга, 8 % – тиф⁸. Любопытные данные на этот счет приводят в своей монографии, посвященной Александровскому централу, А. Н. Гаращенко и А. А. Иванов. С 1 января 1906 г. по 3 августа 1913 г., по данным смотрителя, умерло 385 арестантов. Однако подсчет донесений смотрителя и начальника тюрем только за период с 15 января по 1 сентября 1912 г. показывает, что в тюремной больнице умерло не менее 113 арестантов, в основном от тифа и туберкулеза, что значительно больше официально обозначенных потерь. При этом в тюрьме не вводилось особое положение или карантин. Авторы полагают, что администрация не видела в высокой смертности ничего особенного, а высокая заболеваемость всегда была характерна для мест лишения свободы [7, с. 370–371].

Попытаемся обозреть имеющиеся данные о вспышках инфекционных заболеваний в пенитенциарной системе. В 1906 г. упоминается, что среди ссыльных в Якутской области сильно распространен сифилис, поскольку жить приходилось в помещениях, где болезнь уже свила себе гнездо⁹. Сифилис действительно имел сильное распространение в Якутской области, но вместе с тем можно утверждать, что эта версия не единственная. Подавляющая часть арестантов и ссыльных представляла собой половозрелых людей, часто семейных, с соответствующими их возрасту запросами на половую жизнь. По пути следования при наличии определенных средств все это можно было устроить, а сифилис среди проституток в Сибири имел чрезвычайное распространение. Кроме того, по сообщению доктора А. Голосова, среди арестантов довольно сильно была распространена педерастия, что, в общем-то, не удивительно. Врач отмечал среди лиц, используемых в качестве женщин в тюрьмах, множественные случаи венерических заболеваний¹⁰.

Еще одно сообщение о распространении инфекции в 1908 г. было почерпнуто из доклада врача иркутской Кузнецовской больницы К. И. Русанова, прочитанного в обществе врачей Восточной Сибири. Согласно его наблюдениям, сыпной тиф был завезен в регион арестантами одновременно с востока и запада. Из Харбина следовала партия в 70 чел., среди которых

⁷ Врачебная газета. 1910. № 17. С. 569-570.

⁸ Отчет по Главному тюремному управлению за 1910 год. СПб. : Типо-литогр. С.-Петербург. тюрьмы, 1912. Ч. 1 : Объяснения. С. 32.

⁹ Врачебная газета. 1906. № 39. С. 1073.

¹⁰ Там же. 1903. № 46. С. 1110.

началась вспышка. На жалобы этапировавшихся власти не обратили внимания, в результате чего в Чите из вагона было снято 13 больных. Вагон опрыскивали сулемой. После этой нехитрой манипуляции арестантов вновь поместили в тот же вагон. При этом не произвели их дезинфекцию и дезинсекцию белья. В Верхнеудинске, как и следовало ожидать, сняли еще 4 больных, а в Иркутске 13, из которых 2 умерло. Нужно еще добавить, что в Слюдянке в вагон загнали еще 4 арестантов. Один из них был болен рожей и тут же заразил всех остальных. С запада поступил больной арестант из Черниговской губернии. Его поместили в тюремную больницу, где он инфицировал 4 чел. В результате несоблюдения элементарных мер санитарии в один момент 35 чел. оказалось заражено сыпным тифом, несколько человек умерло. Добавим, что в продолжение длительного этапирования арестанты лишь один раз выводились для прогулки (во время дезинфекции вагона). Они не получали горячей пищи. Питались черным хлебом и соленой кашей¹¹. Аналогичное событие в этот же год произошло в Красноярской пересыльной тюрьме, когда на больничных койках оказалось 45 арестантов, больных сыпным тифом, и еще двое – цингой¹². Последнее явно указывает на ослабленное питание, что способствует появлению вшей, являвшихся распространителями тифа.

В 1911 г. пенитенциарная система стала источником распространения сыпного тифа во многих регионах России. В частности, это заболевание фиксировалось в Зерентуйской тюрьме, где умерло до 40 арестантов¹³.

В 1912 г. эпидемия тифа повторилась в Иркутской губернской тюрьме вследствие переполнения помещений, а также общей антисанитарии. В камерах, рассчитанных на 6 человек, помещалось до 20¹⁴. Вероятно, речь идет о тех же событиях, которые дали значительный рост смертности в Александровском центральном. В начале этого же года тиф вспыхнул в Красноярской тюрьме, вызвав панику среди заключенных, требовавших переместить их в другую тюрьму¹⁵.

Фиксировались и другие заразные заболевания. Часто встречался туберкулез легких, который стремительно множил число своих жертв. Так, осенью 1910 г. при поголовном осмотре заключенных Александровского централа тюремный врач обнаружил данное заболевание у 150 арестантов, которые были размещены в отдельных камерах. Следующий осмотр весной 1911 г. дал новые случаи заболевания. За одну только зиму туберкулезом заболело в одной камере 15 чел. из 60. Переполненные камеры и скудное питание сделали свое дело¹⁶. Туберкулез редко поддавался лечению, и после выхода на поселение такой ссыльный становился угрозой для окружающих, способствуя распространению болезни.

Властям в целом удавалось зацементировать вспышки эпидемий в тюремной среде, но временами они прорывались и давали неожиданные

¹¹ Сибирская врачебная газета. 1908. № 29. С. 295–296.

¹² Врачебная газета. 1908. № 5. С. 152.

¹³ Там же. 1911. № 19. С. 694.

¹⁴ Там же. 1912. № 26. С. 1003.

¹⁵ Там же. № 11. С. 456.

¹⁶ Там же. № 1. С. 37.

вспышки среди гражданского населения. Врачебное сообщество понимало степень угрозы, но не имело возможности повлиять на ситуацию в условиях жесткого политического контроля и отсутствия необходимых ресурсов. Для того чтобы проиллюстрировать данное утверждение, приведем пример из сибирской действительности.

Осенью 1913 г. в с. Торей Селенгинского уезда Забайкальской области в среде ссыльнопоселенцев вспыхнул тиф, который изначально приняли за брюшную. В начале 1914 г. в селение прибыла партия из 30 новых ссыльнопоселенцев, которые застали ужасную картину голода и эпидемии. Болезнь быстро охватила значительные пространства. На помощь местным медработникам были командированы врачи Н. Н. Макаров и А. И. Панкрышев, которые установили, что заболевание является особо тяжелой формой сыпного тифа. Оба врача приложили все свои силы, но и сами оказались заражены. Погибло несколько десятков человек¹⁷.

Система ссылки и каторги оказала влияние на заболеваемость населения тех регионов, которые близко размещались к тюрьмам или были местами водворения ссыльнопоселенцев. Даже многие годы спустя это чувствовалось. Так, врач Александро-Заводского района Читинского округа Резков связывал сильное распространение сифилиса среди населения с наследием каторги¹⁸.

Таким образом, считать, что медработники не предпринимали никаких действий, будет неправильно. В рамках имеющихся полномочий и материальных средств они свою функцию выполняли. Однако разгрузить пенитенциарную систему от наплыва арестантов они не могли, а без этого невозможно было наладить нормальный быт тюремного населения. При том масштабе заболеваний, который был свойственен местам лишения свободы, вызывает удивление, что медработникам удавалось купировать основную массу эпидемических вспышек и не позволять им выходить за пределы тюремных оград.

Список литературы

1. *Волочаева А. В.* Положение женщины-преступницы на каторге во второй половине XIX века (по материалам Нерчинской уголовной каторги) // Проблемы гражданского общества и правового государства : сб. ст. и мат-лов / отв. ред. Б. Д. Семашкин. Чита : Поиск, 2017. Вып. 22. С. 63–70.
2. *Комарова А. О.* Становление гигиены и санитарии в уголовно-исполнительной системе России (конец XVIII – начало XX века) // Молодежный инновационный вестник. 2022. Т. 11, № 52. С. 311–316.
3. *Комбаев А. В.* Социально-бытовые условия и социально-групповые общности арестантов в дореволюционной российской тюрьме конца XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 5 (73). С. 68–71.
4. *Хабриев Р. У., Спасенников Б. А., Пертли Л. Ф., Корыткин С. А.* Развитие гигиены и санитарии в пенитенциарной системе России (конец XVIII – начало XX века) // Гигиена и санитария. 2017. Т. 96, № 8. С. 789–792.
5. *Иванов А. А.* Дом казенный – Александровский централ: обзор историографии XX – начала XXI в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2023. Т. 46. С. 101–113.

¹⁷ Сибирская врачебная газета. 1914. № 12. С. 164–165.

¹⁸ Государственный архив Забайкальского края. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 49. Л. 20.

6. Степанова (Шенмайер) Н. Г. Каторга в системе карательной политики российского самодержавия // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск : Оттиск, 2003. Вып. 2 (14). С. 184–198.
7. Гаращенко А. Н., Иванов А. А. Александровский централ: Исторический очерк (первая половина XVIII в. – 1917 г.). Иркутск : Оттиск, 2024. 496 с.

References

1. Volochayeva A.V. Polozheniye zhenshchiny-prestupnitsy na katorge vo vto-roy polovine XIX veka (po materialam Nerchinskoy ugovnoy katorgi) [The situation of female criminals in penal servitude in the second half of the 19th century (based on materials from the Nerchinsk penal servitude)]. *Problemy grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Problems of civil society and the rule of law]. Collection of articles and materials]. Chita, Poisk Publ., 2017, iss. 22, pp. 63–70. (in Russian)
2. Komarova A.O. Stanovleniye gigiyeny i sanitarii v ugovno-ispolnitel'noy sisteme Rossii (konets XVIII – nachalo XX veka) [Formation of hygiene and sanitation in the penal system of Russia (late 18th – early 20th century)]. *Molodezhnyy innovatsionnyy vestnik* [Youth Innovation Bulletin], 2022, vol. 11, no. 52, pp. 311–316. (in Russian)
3. Kombayev A.V. Sotsialno-bytovyye usloviya i sotsialno-grupповyye obshchnosti arestantov v dorevolutsionnoy rossiyskoy tyurme kontsa XIX v. [Social and living conditions and social and group communities of prisoners in a prerevolutionary Russian prison of the late 19th century]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: philosophy, history, culture], 2020, no. 5 (73), pp. 68–71. (in Russian)
4. Khabriyev R.U., Spasennikov B.A., Pertli L.F., Korytkin S.A. Razvitiye gigiyeny i sanitarii v penitentsiarnoy sisteme Rossii (konets XVIII – nachalo XX veka) [Development of hygiene and sanitation in the penitentiary system of Russia (late 18th – early 20th century)]. *Gigiyena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation], 2017, vol. 96, no. 8, pp. 789–792. (in Russian)
5. Ivanov A.A. Dom kazenny – Aleksandrovskiy tsentral: obzor istoriografii XVIII – nachala XXI v. [State-owned building – Aleksandrovsky Central: a review of the historiography of the 20th – early 21st centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2023, vol. 46, pp. 101–113. (in Russian)
6. Stepanova (Shenmayyer) N.G. Katorga v sisteme karatel'noy politiki rossiyskogo samoderzhaviya [Penal servitude in the system of punitive policy of the Russian autocracy]. *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Collection of scientific articles. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, iss. 2 (14), pp. 184–198. (in Russian)
7. Garashchenko A.N., Ivanov A.A. *Aleksandrovskiy tsentral: Istoricheskiy ocherk (pervaya polovina XVIII v. – 1917 g.)* [Aleksandrovsky Central: Historical essay (first half of the 18th century – 1917)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2024, 496 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Шаламов Владимир Александрович
доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский центр отечественной истории
Байкальский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
доцент кафедры истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: Wladimir13x@ya.ru

Information about the author

Shalamov Vladimir Alexandrovich
Doctor of Historical Sciences, Chief Research Scientist, National History Research Center
Baikal State University
11, Lenin st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
Associate Professor of the Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: Wladimir13x@ya.ru